

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.4

Гусарова Светлана Владимировна

аспирант

Московский педагогический государственный университет

Россия, Москва

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9105-5717

ПИСЬМО НИКОЛАЯ МИСТИКА О СУДЬБЕ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА КИПР В 911–912 ГОДАХ: АНАЛИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Статья посвящена анализу дипломатических приемов, которые использовал константинопольский патриарх Николай Мистик в письме к багдадскому халифу Ал-Муктадиру с целью остановить агрессию арабов в адрес мирных жителей о. Кипр в 911–912 гг. Автор указывает на то, что патриарх апеллировал к правовому сознанию адресата и писал о необходимости соблюдать договор о кондоминиуме, а также расследовать проблему с точки зрения норм византийского либо шариатского законодательства. В статье подчеркивается особое внешнеполитическое значение рассматриваемого письма для истории Византийского государства.

Ключевые слова: Николай Мистик; Кипр; Ал-Муктадир; кондоминиум; мирный договор; арабо-византийские войны; письма Николая Мистика.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.43.3.4

Svetlana V. Gusarova

postgraduate student

Moscow Pedagogical State University

Moscow, Russia

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9105-5717

THE LETTER OF NICHOLAS MYSTIKOS ON THE FATE OF THE CIVILIANS OF THE CYPRUS IN 911–912: ANALYSIS OF DIPLOMATIC METHODS

This article is devoted to the analysis of the diplomatic techniques used by the Patriarch of Constantinople, Nicholas Mystikos, in a letter to the Caliph of Baghdad, Al-Muqtadir, in order to stop the aggression of the Arabs against the civilians of the island of Cyprus in 911–912. The author points out that the patriarch appealed to the legal consciousness of the addressee and wrote about the need to comply with the condominium agreement, as well as to investigate the problem from the point of view of the norms of Byzantine or Sharia legislation. The article emphasizes the special foreign policy significance of the letter in question for the history of the Byzantine state.

Keywords: Nicholas Mystikos; Cyprus; Al-Muqtadir; condominium; peace treaty; Arab-Byzantine wars; letters of Nicholas Mystikos.

В 395 году император Римской империи Феодосий Великий (379–395) произвел мирный раздел государства между своими наследниками, в результате чего появились фактически независимые Восточно-Римская и Западно-Римская империи. С этого времени остров Кипр, отошел к Восточно-Римской империи, став составной частью византийской территории.

В 688 году остров захватили арабы, но императору Юстиниану II (685–695; 705–711) по условиям мира удалось добиться договоренности с халифом о совместном владении островом, в результате чего был установлен condominium. Данный внешнеполитический акт определил новый порядок подданничества для населения острова — киприоты платили в равных долях дань Византии и Халифату [13, с. 137]. Потеря в ходе постоянных арабо-византийских войн Кипра и других островов в Средиземном море нанесла серьезный материальный и стратегический ущерб Византии. Данное обстоятельство создавало угрозу континентальным территориям, существенно влияло на внешнюю торговлю, а также затрудняло сообщение между столицей и рядом провинций. Восточно-Римская империя стремилась к восстановлению своего влияния в Средиземноморском бассейне, в частности по инициативе императора Василия I Македонянина (867–886) византийскому флоту удалось провести кампанию по отвоеванию Кипра, благодаря чему в 874–881 годах остров

находился под полным контролем империи. Однако в конце IX века арабам снова удалось вытеснить византийцев и реставрировать условия мирного договора 688 года.

Политическая ориентация острова во многом определяла его судьбу, поэтому для империи было важно сохранить нейтралитет киприотов, чтобы в дальнейшем отвоевать территорию Кипра. При императоре Льве VI (866–912) началась масштабная работа по модернизации византийского флота с целью восстановления влияния Византии в Средиземноморском регионе. Согласно стратегическим планам империи, соединенные сухопутные и морские силы должны были ударить по арабам на островах и территории Малой Азии. Во главе флота был поставлен друнгарий Имерий (ум. в перв. четв. X в.), который решил начинать наступление с Кипра, поскольку местное греческое население лояльно относилось к Византии, что обуславливалось религиозной, этнической и культурно-исторической близостью. Несмотря на концентрацию военных и материальных ресурсов, кампания 910–911 годов оказалась неудачной для Византии. Войска друнгария Имерия потерпели поражение при о. Самос, о чем, в частности, в следующих словах свидетельствует византийская хроника: «В октябре месяце произошло морское сражение между логофетом Имерием и агарянами... стратигом же Самоса был Роман — будущий император. Поражение потерпел Имерий, который едва спасся и чуть не погубил всех своих воинов» [8, с. 85]. В ответ на наступление византийских войск под предводительством Имерия арабы учинили карательную экспедицию на Кипр во главе с полководцем Дамианом (ум. в перв. пол. X в.), в связи с чем у константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907; 912–925) возникла необходимость написать письмо багдадскому халифу Ал-Муктадиру (908–932) [14, с. 17–18]. Для Восточной Римской империи окончательная утрата влияния на Кипре грозила существенной потерей стратегического баланса в бассейне Средиземного моря.

Николай Мистик являлся одним из наиболее выдающихся византийских политических и церковных деятелей, который известен в том числе благодаря масштабной внешнеполитической деятельности. В 913–921 годах патриарх фактически выполнял роль основного дипломата империи и вел обширную переписку общегосударственного значения с правителями Болгарии и Аббасидского халифата. Науке известны в общей сложности три послания патриарха к халифу Ал-Муктадиру, написанные по различным значимым поводам; в рамках данной статьи мы будем анализировать наиболее раннее письмо из указанной группы источников.

Письмо было написано в конце 913 – начале 914 года, когда патриарх стоял во главе регентского совета при малолетнем императоре Константине Багрянородном [1, с. 66]. Структурно названный источник состоит из приветственной преамбулы и основной части, при этом в конце письма отсутствуют благие пожелания, что подчеркивает драматизм причины, побудившей Николая Мистика обратиться к халифу.

Как следует из письма патриарха, в отместку за то, что киприоты не пришли на помощь арабам, последние учинили резню мирного христианского населения Кипра. Патриарх категорически не согласился с таким положением вещей: «...как несправедливо и безчеловечно воевать с киприотами за то, что Имерий выступил против вашей страны, так же незаконно и достойно всякого порицания воевать с киприотами за то, что случайно некоторые сарацины на острове попали в руки Имерия» [1, с. 68]. Акцию мщения киприотам патриарх считал политической и социальной катастрофой, вследствие чего письмо начинается пространном рассуждением о справедливости как о добродетели правителя. Так, Николай Мистик писал о том, что в защите подданных кроется «принцип справедливости, который есть у всех народов, даже у тех, кто не знает никакого закона» [15, стб. 29, 30]. Константинопольский архиерей многократно указывал халифу на необходимость соблюдения договора о кондоминиуме, нарушение которого Николай Мистик приравнивал к отцеубийству, поскольку пренебрежение миром 688 года трактовалось им как оскорбление воли предков [14, с. 42].

Основным доводом патриарха против резни киприотов становится воззвание к правовой культуре своего адресата.

В Византийском государстве, перенявшем наследие Римской империи в области основ права, принято было внимательно относиться к процедуре обвинения, карательные меры нельзя было применять без доказательства вины. Апеллируя к правовой стороне договора, Николай Мистик фактически указывал своему адресату на необходимость проведения суда для того, чтобы был услышан голос жителей Кипра и они получили оправдание. «Ты должен был сначала обвинить их и призвать к исправлению, — писал Николай Мистик Ал-Муктадиру, — притом неоднократно, тогда, если бы они упорствовали и вместо добра шли худшим путём, ты мог бы, не опасаясь возмездия со стороны Бога или людей, взять на себя обязательство наказать и подавить их глупость... Но ничего этого не было сделано... убили невиновных людей, которые не нарушили ничего из первоначального соглашения» [14, с. 40]. Патриарх подчеркивал правоту жителей Кипра, поскольку их нейтралитет входил в обязательное условие мирного договора 688 года. Киприоты, будучи подданными, должны были оказывать содействие управлявшему ими государству, но, поскольку они платили дань Империи и Халифату и обязывались не выступать против этих государств, обвинение их в отсутствии помощи арабам против византийцев можно расценивать как несправедливое.

Каждый византийский внешнеполитический договор содержал сакральную клятвенную часть, которая призвана была обеспечить неукоснительное исполнение документа. В этом месте подданные Восточной Римской империи клялись Христом, а языческие народы — своими богами нерушимо исполнять условия соглашения. Сакральный раздел договора мог содержать конкретные проклятия, грозящие его нарушителям. Согласно византийской правовой традиции, необходимо было присягать на верность всем межгосударственным

договорам [10, с. 69]. Так, например, мирный договор, заключенный Империей и Сасанидским Ираном в 562 году, содержит эталон формулировки клятвенной части, начинающейся следующими словами: «Если же я не буду таким образом соблюдать всё то <в чем поклялся>, да подвергнусь я, как ныне, так и в будущей жизни, Страшному суду Великого Господа Бога и Спасителя Нашего Иисуса Христа и да постигнет меня участь Иуды, да падут на меня проказа Гиезия и Каинова печать» [7, с. 98]. У нас есть все основания полагать, что в византийско-арабском договоре 688 года присутствовала сакральная часть, которая, видимо, содержала общую монотеистическую риторику, допускающую проклятия и пожелание несчастий нарушителям условий кондоминиума на Кипре. Именно поэтому одним из аргументов Николая Мистика в пользу несправедливости карательной операции на Кипре стало указание на болезнь Дамиана как на показательный факт Божественной кары за нарушение условий кондоминиума. В частности, патриарх писал следующее: «Обрати внимание на недовольство Небес делом преступного Дамиана. Его исчезновение из общества является доказательством этого, и к тому же его болезнь, постигшая и истощившая его с тех пор как он осквернил землю киприотов нечестивым убийством, — знак справедливого наказания за преступления» [14, с. 42]. Поскольку Дамиан стал религиозным ренегатом, его действия в глазах Николая Мистика не могли быть оправданы и оценка в письме подчеркнута негативная.

Правовая аргументация Николая Мистика не ограничивалась трансляцией сугубо византийского представления о сущности проблемы нарушения договора 688 года. К началу X века византийцы достаточно хорошо изучили вероучение мусульман. Известный придворный ученый Никита Византийский (ум. в посл. четв. IX в.) произвел перевод Корана на греческий язык [4]. К данному переводу, вероятно, имел доступ патриарх Фотий (858–867; 877–886) и его ученики, одним из которых являлся Николай Мистик. Знания в области вероучения мусульман позволяли патриарху воздействовать на своего адресата через аргументы, базирующиеся на правовой системе шариата.

В бессрочном договоре с киприотами (аз-зима) содержался пункт об обязанности мусульман защищать жителей острова, в правовом отношении данный документ делал островитян особым сословно-податным слоем немусульманского населения на территории халифата — зимми. На основании аз-зима киприоты платили налог (в казну халифата от Кипра шел ежегодный поземельный налог в размере 7200 динариев) и обязывались не оказывать содействие врагам мусульман [13, с. 141]. При этом защита островитян, по условиям такого договора, являлась основной задачей халифата, на что в следующих строчках Николай Мистик указал ал-Муктадиру: «Каждый, имеющий податные города или народы, выступает против нападающих на них и начинающих войну, и защищает от нападения» [14, с. 44]. Однако содействие войскам Имерия должно было стать для арабов условием разрыва договора

с киприотами и повод для начала джихада против них [13, с. 106]. Карательные меры войск Дамиана в 911 году указывают на шариатское основание для разрыва договора аз-зимма. Кроме того, карательная операция в адрес жителей Кипра для арабов подходила под понятие талиона — кровной мести, признаваемой в мусульманском мире. С точки зрения православного константинопольского патриарха, месть не могла быть благим делом. Инициатива вооруженной агрессии в рамках христианского менталитета и военной тактики правителей Македонской династии осуждалась и воспринималась как несправедливая война. В частности, военный трактат Льва VI содержит указание на человеческую и Божественную синергию только в случае ведения справедливых войн, направленных на защиту от агрессора [3, с. 36].

Проблема ситуации на Кипре в рассматриваемый период во многом зависела от трактовки понятия содействия «врагам мусульман». Халиф, будучи главой теократического государства, в своих решениях опирался прежде всего на нормы шариатского законодательства и во вторую очередь — на договоренности с иноверцами. Николаю Мистику как хорошему дипломату, владевшему знаниями в области норм и обычаев мусульманского общества, необходимо было убедить халифа в неправомерности военных действий против киприотов на основании непричастности последних к военной кампании друнгария Имерия. Константинопольский патриарх пытался переключить внимание халифа на эти правовые аспекты. Джихад стал основной шариатского права по отношению к иноверным народам, проживающим вне мусульманского государства [2, с. 115]. Сакрализация законодательных норм для мусульманского населения халифата обуславливалась представлениями о том, что «право возникло по воле Аллаха» [5, с. 83]. По исламским нормам ведения священной войны с неверными («джихад меча») нельзя причинять вред мирному населению, женщинам, старикам, детям и разорять имущество противника. Помимо того, мусульманская концепция джихада представляет собой комплексное духовно-ритуальное явление, в рамках которого вооруженная борьба с «врагами мусульман» выступает лишь одним из вариантов его проявления [2, с. 122]. Призывая к вербальному общению и расследованию обстоятельств дела на Кипре, Николай Мистик фактически указывал халифу на необходимость применения именно «джихада языка» — словесной формы борьбы с несправедливостью, осуждая развязывание карательных кампаний. В частности, византийский архиерей писал: «необходимо было бы упрекнуть их (киприотов. — *С. Г.*) в ошибке, указать на несправедливость их пути... и делать это многократно» [14, с. 40].

Ведение международных переговоров ставило перед Николаем Мистиком задачи нахождения общего поля взаимодействия и подхода к противоположной стороне, которые ему удавалось эффективно решать.

В своем письме Николай Мистик защищал жителей Кипра, придерживаясь позиции их невиновности: «Почему... ты воюешь с киприотами и вымещаешь на них гнев? Ты вымещаешь обиду на тех, кто ничего злого не сделал» [14, с. 38].

Византийцам широко была известна практика печалования — *μεσιτεία*, *πρόστασία*, *οἴησις*, *πρεσβεία*, *παρηγοσία* — патриарха перед императором за угнетенных и осужденных, поскольку для них константинопольский архиепископ являлся «покровителем христиан всей вселенной, ходатаем за всех, защитником и дефенсором» [11, с. 934]. Христианская Церковь на о. Кипр, согласно одному из постановлений Третьего Вселенского собора (431 г.), признавалась автокефальной, однако ввиду беспрецедентно высокого авторитета константинопольского патриарха и многовековой принадлежности острова Кипр Византии мы полагаем, что его жители, зная о практике печалования, могли обратиться к Николаю Мистика с просьбой заступиться за них перед арабским правителем. Известно, что патриарх Николай I через печалования перед византийским василевсом неоднократно помогал смягчить наказание попавшим в опалу подданным, таким, например, как друнгарии флота Евстафий (ум. в перв. пол. X в.) и Кармал (ум. в перв. пол. X в.), фемный губернатор Ландульф (ум. в перв. пол. X в.) и др. [11, с. 935; 14, с. 338].

Авраамические религии содержат ряд общих морально-нравственных принципов, черпающих свое основание из Пятикнижия Моисея [9, с. 144]. Еще одним аргументом, который использовал Николай Мистик в дипломатической переписке с халифом, выступает монотеистическая риторика, опирающаяся на эти принципы. По причине тесной связи светских и религиозных аспектов в жизни арабов и византийцев в X веке можно говорить о наличии у них религиозного права [6, с. 6]. В своем письме патриарх писал о том, что его власть и власть халифа получена от Бога, что само по себе подразумевает ответственность за вверенных им в попечение людей. В анализируемом письме автор писал своему адресату о равновеличии державы ромеев и арабов, что является выходом дипломатической риторики константинопольского архиерея за рамки византийской политической идеологии, которая предполагала беспрецедентное главенство Византии над остальными народами и государствами, в частности об этом свидетельствуют слова Николая Мистика: «две власти... Сарацинская и римская... блистают как два великих светила» [1, с. 68]. Они указывают на то, что в послании затронута чрезвычайно важная для византийского государства проблема, которая требует решения. В дальнейшем патриарх вел эффективную дипломатическую переписку с халифом Ал-Муткадиром, что подтверждается рядом источников. Таким образом, рассматриваемое в данной статье письмо достигло своей цели и масштабные акты агрессии арабов против жителей Кипра при жизни Николая Мистика не повторялись. Сохранение кондоминиума на о. Кипр явилось благоприятным условием для окончательного возвращения острова в состав Византийской империи при императоре Никифоре II Фоке (963–969) в 965 году.

Подводя итог анализа содержания письма Николая Мистика к халифу Ал-Муткадиру, относящегося к событиям на о. Кипр в 911 году, определим доводы, на которых стоял патриарх в вопросе защиты мирного населения острова. Аргументационная база Николая Мистика строилась на правовых аспектах византийского

законодательства, а также на определенных нормах шариатского права, касающихся вопросов объявления войны. Главным положением, на которое ссылался патриарх, выступала необходимость соблюдения мирного договора о совместном византийско-арабском управлении островом и о нейтралитете местных жителей. Николай Мистик требовал от халифа личного расследования ситуации на о. Кипр, указывал на несправедливость карательной акции и на Божественное возмездие нарушителям соглашения. По представлению Николая Мистика, киприоты не могли выступить в защиту арабов против византийцев, поскольку не являлись воинами на поле брани; кроме того, жители острова были данниками в равной степени как арабов, так и византийцев. Патриарх указывал на особое положение подданных халифата по отношению к государству-покровителю. Подданничество киприотов халифату требовало от арабов защиты островитян от любой внешней агрессии и не допускало ущемления их прав, поскольку жители Кипра обладали статусом зимми. Николай Мистик стремился переключить внимание своего адресата на богословские и правовые аспекты исламской традиции, не допускающие насилия и поддерживающие мир. В частности, использование только лишь словесных увещаний, по мнению патриарха, было необходимо для урегулирования конфликта с киприотами, что фактически указывает на необходимость применения «джихада языка», но не войны на физическое уничтожение. Константинопольский патриарх рассчитывал на то, что применение римско-византийской правовой практики либо норм шариатского законодательства позволит снять вину с мирных жителей острова, поможет защитить их в дальнейшем. В своей дипломатии Николай Мистик опирался в том числе на моральные и религиозные доводы, общие для приверженцев всех авраамических религий. Среди мотивов, побудивших патриарха написать халифу письмо, следует отметить обеспокоенность перспективой существенного ухудшения внешнеполитической обстановки вокруг Византии, а также пастырское попечение о судьбах единоверцев. Факт написания письма с заступничеством за киприотов можно рассматривать как акт печалования константинопольского архиерея перед правителем государства за притесняемых подданных. Общая дипломатическая риторика письма указывает на высокую государственную значимость затронутых в нем проблем. Основным политическим итогом переписки константинопольского патриарха Николая Мистика с багдадским халифом Ал-Муктадиром стало сохранение condominiuma на Кипре, что, в свою очередь, создавало благоприятные условия для дальнейшего отвоевания территории острова Византией в 965 году.

Список литературы

1. Византийские сочинения об исламе: (тексты переводов и комментарии) / [под ред. Ю. В. Максимова; пер. с древнегреч. Ю. В. Максимов, Е. П. Ореханова]. Т. 1. М.: Правосл. Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 229 с.
2. Зеленёв Е. И., Исаев Л. М. Развитие концепции джихада: минимализм и максимализм в исламе // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 4 (95). С. 111–131. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131>

3. Лев Мудрый. Тактика Льва / изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 369 с. (Византийская библиотека. Источники).
4. Максимов Ю. В. Византийцы и Коран [Электронный ресурс] // Богослов.ru: научный богословский портал. 2009. 19 мая. URL: <https://bogoslov.ru/article/406936> (дата обращения: 01.07.2021).
5. Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.80.106>
6. Право и религия в междисциплинарной интерпретации / В. В. Смирнов и др. // Государство и право. 2018. № 8. С. 5–20. <https://doi.org/10.31857/S013207690000780-0>
7. Право и справедливость в исторической традиции миротворчества: от Античности до современности: монография / под ред. Т. В. Кудрявцевой. СПб: РПГУ им. А. И. Герцена, 2016. 425 с.
8. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992. 348 с. (Литературные памятники).
9. Пузанов Д. В. «Авраамическая метацивилизация» VII–XIII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. Март. С. 143–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/17>
10. Рунг Э. В., Венедиктова Е. А. Межгосударственные договоры классической Греции: нарративная традиция и эпиграфика // Проблемы истории, философии, культуры. 2017. № 4. С. 64–74. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-4-58-64-74>
11. Соколов И. И. Печалование патриархов перед василевсами в Византии IX–XV вв. // Христианское чтение. 1909. № 6–7. С. 933–964.
12. Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 5 т. Т. 3. М.: АСТ, 2011. 398 с. (Историческая библиотека).
13. Чомаев З. А. Мусульманская дипломатия в раннеисламскую эпоху: зарождение и особенности функционирования: дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 248 с.
14. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek text & Engl. transl. by R. J. H. Jenkins & L. G. Westerink. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies (Trustees for Harvard University), 1973. 631 p. (Corpus fontium historiae byzantinae: Consilio societatis internationalis studiis byzantinis provehendis destinatae editum. Washington: Dumbarton Oaks Research libr. & coll., 1967–. Vol. 6).
15. Nicolai Constantinopolitani Archiepiscopi Epistolae [Электронный ресурс] // Patrologiae cursus completus (Series Graeca — PG) / ed. par J.-P. Migne. En 161 t. T. 111. Paris, 1863. URL: https://books.google.ru/books?id=jcYUAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

References

1. Maksimov, Yu. V. (Trans., Ed.), & Orekhanov, E. P. (Trans.). (2006). *Vizantiiskie sochineniia ob islame: (teksty perevodov i kommentarii) (T. 1) [Byzantine Writings on Islam: (Translation Texts and Commentaries) (Vol. 1)]*. Moskva: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet (in Russian).
2. Zelenjov, E. I., & Isaev, L. M. (2019). Razvitie koncepcii dzhihad: minimalizm i maksimalizm v islame [The Development of the Concept of Jihad: Minimalism and Maximalism in Islam]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki) [Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy*

and Sociology of Politics], 95 (4), 111–131. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-95-4-111-131> (in Russian).

3. Kuchma, V. V., & Barabanov, N. D. (Eds.). (2012). *Lev Mudryi. Taktika L'va [Leo the Wise. Tactics of the Lion]*. Sankt-Peterburg: Aleteiia (in Russian).

4. Maksimov, Yu. V. (2009, May 19). Vizantiitsy i Koran [The Byzantines and the Koran]. *Bogoslov.ru: nauchnyi bogoslovskii portal [Bogoslov.ru: scientific theological portal]*. Retrieved from <https://bogoslav.ru/article/406936> (in Russian).

5. Muromtsev, G. I. (2021). Musul'manskoe pravo v kontekste pravogeneza [Muslim Law in the Context of Legal Genesis]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Right. Journal of the Higher School of Economics]*, (1), 80–106. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.1.80.106> (in Russian).

6. Smirnov V., Agamirov K., Gabrelyan E., Didikin A., Dorovskih E., Egorov V., Lapaeva V., Mihailov A., Orlova O., Pligin V., Polenina S., Skurko E. & Supataev M. (2018). Pravo i religija v mezhdisciplinarnoj interpretacii [Law and Religion in an Interdisciplinary Interpretation]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, (8), 5–20 <https://doi.org/10.31857/S013207690000780-0> (in Russian).

7. Kudriavtseva, T. V. (Ed.). (2016). *Pravo i spravedlivost' v istoricheskoi traditsii mirotvorchestva: ot Antichnosti do sovremennosti [Law and Justice in the Historical Tradition of Peacemaking: from Antiquity to Modernity]*. Sankt-Peterburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia (in Russian).

8. Liubarskii, Ia. N. (Trans.). (1992). *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniia vizantiiskikh tsarei [The Successor of Theophanes. Biographies of the Byzantine tsars]*. Sankt-Peterburg: Nauka (in Russian).

9. Puzanov, D. V. (2021). «Avraamicheskaia metatsivilizatsiia» VII–XIII vv. [Abrahamic Metacivilization of the VII–XIII centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 464, 143–152. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/17> (in Russian).

10. Rung, E. V., & Venediktova, E. A. (2017). Mezhgosudarstvennye dogovory klassicheskoi Gretsii: narrativnaia traditsiia i epigrafika [Interstate Treaties of Classical Greece: Narrative Tradition and Epigraphy]. *Problemy istorii, filosofii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, (4), 64–74. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-4-58-64-74> (in Russian).

11. Sokolov, I. I. (1909). Pechalovanie patriarkhov pered vasilevsami v Vizantii IX–XV vv. [The Sorrow of the Patriarchs Before the Basileuses in Byzantium of the IX–XV centuries]. *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]*, (6-7), 933–964 (in Russian).

12. Uspenskii, F. I. (2011). *Istoriia Vizantiiskoi imperii: v 5 tomakh. (T. 3) [History of the Byzantine Empire: in 5 volumes. (Vol. 3)]*. Moskva: AST (in Russian).

13. Chomaev, Z. A. (2021). *Musul'manskaia diplomatiia v ranneislamskuiu epokhu: zarozhdenie i osobennosti funktsionirovaniia [Muslim Diplomacy in the Early Islamic Era: the Origin of the Peculiarities of functioning]*. PhD Dissertation. Moskva (in Russian).

14. Jankins, R. J. H., & Westerink, L. G. (Trans.). (1973). *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies (Trustees for Harvard University).

15. Google. Books. (2008, August 19). Nicolai Constantinopolitani Archiepiscopi Epistolae. In J.-P. Migne (Ed.). (1863). *Patrologiae cursus completus. Series Graeca — PG*. (Vols. 1–161, Vol. 111). Paris: Apud J.-P. Migne. Retrieved from URL: https://books.google.ru/books?id=jcYUAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false